

ЕКАТЕРИНА В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

В декабре 1759 г. Елизавете исполнилось 50 лет — возраст критический для женщины XVIII в. В эти годы крестьянки выглядели глубокими старухами, а большинство женщин, как и мужчин, не доживали даже до 50-летнего юбилея. Время не пощадило и императрицу. Ей, так ревниво относившейся к своей красоте, пришлось на себе испытать справедливость афоризма Ларошфуко: «Старость — вот преисподняя для женщин». Часы, проведенные перед зеркалом, новые французские наряды и изобретения лучших парфюмеров и парикмахеров — все это уже не могло вернуть Елизавете красоту и свежесть, которыми она блистала долгие годы. Все чаще императрица укрывалась в своих покоех, почти никого не принимая и никуда не выезжая.

Камер-фурьерские журналы конца 50-х — начала 60-х годов уже не пестрят записями о бесконечных маскарадах, балах, концертах и поездках. Доступ к Елизавете имел лишь Иван Шувалов да иногда ювелир Позье — страсть к украшениям не покидала императрицу до самой смерти. Позье вспоминал: канцлер Воронцов, «зная, что она посылала за мною, когда выпадала минуточка получше, поручал мне просить ее от его имени подписать наиболее важные бумаги, и я осмеливался подносить их ей только тогда, когда замечал, что она в добром расположении духа, но и тогда я замечал, что она с каким-то отвращением исполняла это»¹. Такое отношение к делам отмечали и другие наблюдатели.

Со второй половины 50-х годов Елизавета стала чаще болеть, причем подчас состояние ее здоровья казалось угрожающим. «Тогда, — писала Екатерина II, — почти у всех начало появляться убеждение, что у нее бывают очень сильные конвульсии, регулярно каждый месяц, что эти конвульсии заметно ослабляют ее организм, что после каждой конвульсии она находится в течение двух, трех и четырех дней в состоянии такой слабости и такого истощения всех способностей, какие походят на летаргию, что в это время нельзя ни говорить с ней, ни о чем бы то ни было беседовать»². Особенно потряс двор необычайно глубокий обморок императрицы, случившийся с ней в начале сентября 1757 г. у дверей церкви в Царском Селе при стечении большого количе-

ства народа, пришедшего из окрестных сел на праздничную обедню.

Сохранилась записка 1759 г. врача Буассонье о здоровье Елизаветы. Он, опираясь на наблюдения придворного лейб-медика Кондонди, проанализировал состояние здоровья императрицы за 1757—1759 гг. Медики середины XVIII в. мыслили и выражались в иных, чем теперь, категориях, исходя из иной, чем теперь, концепции функционирования организма. Одним из важнейших ее положений была идея о непрерывной циркуляции различных жидкостей в организме. «Несомненно,—пишет Буассонье,— что по мере удаления от молодости жидкости в организме становятся более густыми и медленными в своей циркуляции, особенно потому, что они имеют цинготный характер». Наряду с этим врачи видели основную причину участвовавших припадков Елизаветы в ее истеричности, неуравновешенности и крайне тяжелом климаксе. Мнение врачей было единодушным: необходим покой, режим, промывание желудка, а самое главное — прием лекарств. Судя по записке Буассонье и другим источникам, Елизавета вела прежний, неумеренный образ жизни и отказывалась принимать горькие пилюли, которые доктора закатывали в мармелад и другие сладости³.

Как бы то ни было, царедворцы чаще стали задумываться о будущем, которое не представлялось им радужным. Внешне казалось, что на этот раз Россия избавлена от угрозы переворота в момент перехода власти: великий князь Петр Федорович имел бесспорное право на престол как ближайший родственник императрицы мужского пола и уже десять лет являлся официально признанным наследником Елизаветы. Но благополучие людей, толпящихся у трона, проистекало от «милостей» монарха, и их не могла не волновать проблема сохранения этих «милостей». Каждый из царедворцев не хотел, чтобы рука, дающая власть, почет, деньги, поместья и т. д., скудела. Но решить эту проблему было непросто: великий князь был весьма своеобразной личностью.

Читатель помнит, что 14-летний голштинский герцог Карл Петр Ульрих, сын старшей сестры Елизаветы — Анны Петровны, был привезен в Россию в январе 1742 г., крещен и объявлен наследником престола. В 1745 г. Елизавета распорядилась, чтобы русский посланник в Дании Н. А. Корф собрал сведения о детстве герцога. Записка Корфа могла удручить кого угодно. Мальчик в три месяца потерял мать, в 11 лет — отца и попал в плохие руки. Его воспитатели, и прежде всего обер-камергер О. Ф. Брюммер, строили свою «педагогику» на грубости, запугивании, жестоких наказаниях, глумлении над болезненным и слабым ребенком. По прибытии в Россию герцог удивил всех своей физической и умственной неразвитостью. В России ему опять не повезло: Брюммер остался с ним по-прежнему, а назначенный воспитателем Я. Штеллин не сумел найти общего языка

с учеником, который к тому же оказался на редкость тупым. Так случилось, что наследник русского престола Петр Федорович нашел себе друзей и учителей среди лакеев и горничных, потворствовавших его дурным наклонностям, и на долгие годы остановился в своем развитии.

Когда великому князю исполнилось 17 лет и его женили на 16-летней Екатерине Алексеевне, приходившейся ему троюродной сестрой, он самозабвенно играл в куклы в спальне своей жены и казался всем хилым подростком. Со страниц мемуаров Екатерины II встает образ никчемного, грубого, неумного Петра Федоровича. Хотя к свидетельствам Екатерины, заинтересованной в дискредитации своего незадачливого мужа, следует подходить осторожно, многие характеристики мемуаристки подтверждаются разнообразными источниками. Вот один из них — инструкция обер-гофмаршалу великого князя, написанная в мае 1746 г. канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым. Инструкция предусматривала целый ряд запрещений, за которыми отчетливо прослеживаются неприглядные привычки и черты характера наследника русского престола.

Так, из инструкции следует, что Петр с пренебрежением относился даже к внешнему соблюдению православного ритуала, ибо гофмаршалу предписывалось следить за Петром, чтобы он не проявлял «всякого небрежения, холодности и индифферентности (чем в церкви находящиеся явно озлоблены бывают)». Четвертый пункт инструкции обязывал гофмаршала «всемерно препятствовать... чтению романов (Екатерина писала, что это были бульварные романы.— *Е. А.*), игранию на инструментах (по словам Екатерины, Петр часто «пилл» на скрипке.— *Е. А.*), егерями и солдатами и иными игрушками и всякие шутки с пажами, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми». Кроме того, гофмаршал должен был не допускать у великого князя «всякой пагубной фамильярности с комнатными и иными подлыми служителями» и «никому из них не позволять... всякую фамильярность, податливость в непристойных требованиях, притаскивании всяких бездельных вещей» и одновременно следить, чтобы Петр «поступал, не являя ничего смешного, притворного, подлаго в словах и минах... чужим учтивства и приветливости оказывал, более слушал, нежели говорил... уверенность свою предосторожно, а не ко всякому поставлял»; чтобы за столом не позволял себе «негодных и за столом великих господ непристойных шуток и резвости», остерегался «от всего же неприличного в деле и слове, от шалостей над служащими при столе, а именно от залития платей и лиц [и] подобных тому неистовых издеваний». При этом заметим, что речь идет не о 6-летнем ребенке, а о человеке, которому шел уже 19-й год.

Особенно увлекало Петра Федоровича все связанное с военным делом, точнее, с плац-парадом. По словам Екатерины, Петр целыми часами разучивал со своими переодетыми в мундиры ла-

кеями и кучерами ружейные приемы. Автор инструкции 1746 г. почти с возмущением отмечает: «Мы едва понять можем, что некоторые из оных (слуг.—Е. А.) продерзость возымели так названной полк в покоях е. и. в. учредить и себя самих командующими офицерами пред государем своим, кому они служат, сделать, особливые мундиры с иными офицерскими знаками носить и многие иныя непристойности делать»⁴.

Позже Петр выписал из Голштинии роту солдат, и в Ораниенбауме, где проводил лето «молодой двор», был построен настоящий укрепленный лагерь, в котором великий князь неделями занимался строевой подготовкой или пьянствовал с немецкими офицерами своей игрушечной армии. Ж.-Л. Фавье, видевший его в начале 60-х годов XVIII в., писал: «Вид у него вполне военного человека. Он постоянно затянут в мундир такого узкого и короткого покроя, который следует прусской моде еще в преувеличенном виде. Кроме того, он гордится тем, что легко переносит холод, жар и усталость. Враг всякой представительности и утонченности, он занимается исключительно смотрами, разводами...» Этот вывод совпадает с наблюдениями другого современника — учителя великого князя Я. Штеллина: «Видеть развод солдат во время парада доставляло ему гораздо больше удовольствия, чем все балеты, как он сам говорил мне это». Екатерина II в 1791 г. вспоминала: «В Петергофе он забавлялся, обучая меня военным упражнениям; благодаря его заботам я до сих пор умею исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного гренадера. Он также ставил меня на караул с мушкетом на плече по целым часам у двери, которая находилась между моей и его комнатой»⁵.

Было бы ошибкой думать, что военные забавы Петра преследовали цели, подобные тем, которые ставил перед собой его великий дед, играя с «потешными» под Преображенским. Наследник русского престола, вероятно, даже не думал о той уготованной ему судьбой роли, которую он мог бы сыграть, став повелителем огромной империи.

Все связанное с Россией было глубоко чуждо Петру. С неподдельной тоской он вспоминал «добрую» Голштинию и, получив по достижении совершеннолетия возможность управлять ею, жил только интересами и заботами своего маленького княжества. Маршируя во главе своей «ораниенбаумской армии», одетой в голштинские мундиры, он мечтал о дружбе с обожаемым им Фридрихом II и главную цель своей жизни видел в наказании Дании, некогда отобравшей у голштинских герцогов Шлезвиг. Дожив до 30-летнего возраста, великий князь оставался инфантильным и капризным, с наслаждением мучил собак, подглядывал за ночными ужинами Елизаветы через пробитые им же отверстия в стене, а в последние годы ее царствования пристрастился к чарке.

Не сложились у Петра и отношения с Елизаветой: императ-

рица недолюбливала племянника и держала его в стороне от жизни двора и тем более от своего круга доверенных лиц. Лишь с началом Семилетней войны Петр был включен в Конференцию при высочайшем дворе, но ничем там себя не проявил. Фавье не без основания писал в 1761 г.: «Если подозрительный нрав императрицы Елизаветы, а также интриги министров и фаворитов отчасти и держат его вдали от государственных дел, то этому, утверждают многие, еще более содействует его собственная беспечность и даже неспособность. Вследствие этого он не пользуется почти никаким значением ни в Сенате, ни в других правительственных учреждениях»⁶.

Сознавая, как сильно влияет на точку зрения сложившийся в литературе стереотип, автор этих строк пытался найти в документах свидетельства, которые позволили бы пересмотреть традиционную оценку личности Петра Федоровича, увидеть в ней «скрытый план», такие не замеченные предшественниками черты, раскрытие которых обогатило бы наши знания, но все усилия оказались тщетными — никакой «загадки» личности и жизни Петра Федоровича не существует. Упрямый и недалекий, он стремился во всем противопоставить себя и свой двор «большому двору» и его людям, как впоследствии Павел противопоставлял свою Гатчину Царскому Селу. То, что нравилось «большому двору», незамедлительно отвергалось «малым». Это многое объясняет в поведении великого князя, стремившегося подчеркнуть своей «простой» солдатской жизнью по звуку трубы неприятие, возможно, желанной, но явно недоступной ему изнеженной, полуночной жизни двора Елизаветы.

Неприятие политики правительства Елизаветы фактически привело наследника русского престола в лагерь его открытых врагов. Петр сочувствовал всем делам прусского короля, радовался его победам, презирал австрийцев и французов. Годами взращивая в себе упорное сопротивление и ненависть ко всему, что исходило от Елизаветы и ее окружения, он не верил ни одному сообщению русских источников с театра Семилетней войны. Я. Штеллин, в частности, писал: «Обо всем, что происходило на войне, получал его высочество, не знаю откуда, очень подробные известия с прусской стороны, и если по временам в петербургских газетах появлялись реляции в честь и пользу русскому и австрийскому оружию, то он обыкновенно смеялся и говорил: «Все это ложь: мои известия говорят совсем другое»»⁷.

Немудрено, что, зная наследника, царедворцы Елизаветы со страхом смотрели в будущее. В среде придворной камарильи обсуждались различные планы поиска выхода из тупика. Некоторые из них стали известны еще при жизни Елизаветы. Строго говоря, все планы сводились к двум вариантам поведения — активному и пассивному. Первый предполагал отстранение Петра от престола, а второй — возможность приспособления к строптивому, но неумному и падкому на лесть преемнику Елизаветы.

Среди придворных, которые понимали, что второй путь для них невозможен, выделялся канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, начавший с середины 50-х годов необычайно сложную и рискованную интригу в надежде сохранить свое место и власть, но она закончилась для канцлера драматически. Он, как и другие сановники, исходил из учета важнейшего фактора — участия в борьбе за власть жены Петра Екатерины Алексеевны, в которой во второй половине 50-х годов уже многие видели личность неординарную.

Сама Екатерина в мемуарах, писавшихся в разные годы второй половины XVIII в., очень тонко навязывала читателю вывод о закономерности совершенного ею в 1762 г. дворцового переворота и убийства Петра III. Она стремилась доказать, что силой вещей, самой судьбой было предопределено безвестной немецкой принцессе стать властительницей великой империи и что исключительно благородное поведение 16-летней великой княгини уже тогда было якобы запрограммировано на самую высокую цель. Откровенность, с какой императрица признавалась в своих честолюбивых намерениях уже во времена девичества и в первые годы брака, должна была убедить читателя в ее искренности и — как следствие — в правдивости ею описываемого.

Реально не все было так просто. Приехав в Россию, Софья Августа Фредерика, в православии — Екатерина Алексеевна оказалась всецело под влиянием своей матери Иоганны Елизаветы и группировки Шетарди — Лестока, борющейся с Бестужевым-Рюминым. После высылки в 1744 г. Шетарди и отъезда в 1745 г. матери Екатерина поддерживала тесные отношения с И. Г. Лестоком, еще сохранявшим большое влияние при дворе, а также с вице-канцлером М. И. Воронцовым. Тогда Екатерина играла второстепенную роль, разделяя вместе со своим мужем пропрусские интересы группировки Лестока и поддерживая ее борьбу с канцлером. В этом смысле Бестужев-Рюмин не ошибся: ведь он был с самого начала против женитьбы Петра Федоровича на дочери принца Ангальт-Цербстского — генерала прусской армии. Анализируя последствия брака сестры Фридриха II с наследником шведского престола, он не без намека писал в августе 1744 г.: «Супружества между великими принцами весьма редко или паче никогда по истинной дружбе и склонности не делаются, но обыкновенно по корыстным видам такие союзы учреждаются, и весьма надежно есть, что король прусский в сем обширные виды имел и что он не даром [с] оным так поспешал»⁸.

В 1746 г. служба Бестужева-Рюмина перехватила несколько писем Иоганны Елизаветы своему зятю и дочери. Из этих писем явствовало, что принцесса Цербстская поддерживала переписку с «молодым двором», интригуя в пользу Фридриха II и советуя молодым сблизиться со сторонником прусского короля М. И. Воронцовым. В 1748 г. Бестужев-Рюмин организовал дело Лестока, обвинив его на основании перехваченных депеш прусского

посланника в связях с Фридрихом II и заговоре с целью удаления канцлера и свержения Елизаветы. При этом Бестужев-Рюмин стремился не только притянуть к делу Воронцова и всех своих врагов, но и бросить тень на «молодой двор», намекая, что переворот предполагался в пользу Петра и Екатерины⁹.

Екатерина II в одном варианте мемуаров дает крайне негативную оценку Лестоку. По ее словам, это был человек «злого нрава и черного, дурного сердца», но в другом все же признает, что арест Лестока был для нее настоящим ударом: «Горе, которое я терпела от потери близкого друга, меня очень сильно печалило»¹⁰. По-видимому, последнее и было правдой.

Однако улик о связях Лестока с «молодым двором» было недостаточно, да и Елизавета не одобряла расследования в этом направлении, хотя достоверные сведения об участии «молодого двора» в пропрусских интригах ее беспокоили. Пытаясь предупредить участие Петра и особенно Екатерины в политических интригах своих врагов, Бестужев-Рюмин предложил назначить к великой княгине «вместо обыкновенной гофмейстерины знатную даму для ежедневного обхождения». Такой дамой стала двоюродная сестра Елизаветы Мария Симоновна Чоглокова, а ее муж Н. Чоглоков был одновременно назначен обер-гофмаршалом Петра Федоровича. Чоглоковой поручался неусыпный контроль за великой княгиней с целью не допустить никаких подозрительных переговоров и переписки. Очевидно, Чоглоковы ревностно выполняли поручение императрицы: мемуары Екатерины II так и пышут не исчезнувшей за прошедшие десятилетия ненавистью к своим «яростным преследователям»¹¹.

На протяжении нескольких лет после процесса Лестока особой политической активности «молодого двора» и самой Екатерины не наблюдалось. Но первое десятилетие жизни при дворе не пропало даром для молодой женщины. Она сумела не только быстро приспособиться к непривычной для провинциалки придворной обстановке, но и понять, несмотря на галломанию в модах и вкусах, царившую при дворе, самое главное — подчеркнуто национальный характер политических доктрин, сословной психологии русского дворянства и армии — сил, вершивших судьбы властителей на престоле. И немецкая принцесса постаралась как можно быстрее натурализоваться, стать для всех «своей», русской. К этой цели вела длинная дорога, и Екатерина прошла ее, став в конце концов для русского дворянства «матушкой царицей», верной защитницей его интересов, что на долгие годы предопределило стабильность ее власти.

Для того чтобы создать благоприятное общественное мнение в среде дворянства, Екатерина использовала все средства. По ее словам, чтобы расположить к себе окружающих, она «ничем не пренебрегала»: «угодливость, покорность, уважение, желание нравиться, желание поступать как следует, искренняя привязанность — все с моей стороны постоянно к тому было употребляе-

мо с 1744 по 1761 г.». О том, как реально это происходило, Екатерина рассказывала Н. П. Румянцевой следующее: «И в торжественных собраниях, и на простых сходбищах и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала об их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы об их юных летах, о нынешней скуке, о ветрености молодых людей, сама спрашивала их совета в разных делах и потом искренне их благодарила. Я узнала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу слышалась со всех сторон и разлилась по всей России. Этим простым и невинным образом составила я себе громкую славу, и, когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство»¹².

Было бы наивным полагать, что только с помощью бесед со старушками Екатерина смогла подготовить переворот. В ее мемуарах хорошо показано, как постепенно, несмотря на бдительный надзор приставленных Елизаветой соглядатаев, она сумела установить довольно тесные связи с родовитой молодежью при дворе и в гвардии, добиться расположения многих влиятельных сановников Елизаветы, в том числе Разумовских, Воронцовых, Н. Ю. Трубецкого, С. Ф. Апраксина и др. Но одно несомненно — великая княгиня в стремлении расположить к себе окружающих использовала не только упомянутые ею «искреннюю привязанность» или «уважение»: откровения Екатерины свидетельствуют о лицемерии и холодном расчете не по годам развитого честолюбия.

Сохранилась переписка Екатерины за несколько месяцев 1756 г. с английским посланником при русском дворе Ч. Уильямсом. В письмах великой княгини не может не поразить откровенный цинизм, с каким она относилась к Елизавете. С нескрываемым нетерпением ждала Екатерина смерти императрицы и огорчалась, когда той становилось лучше. В письме от 25 сентября 1756 г. она передает Уильямсу содержание своего разговора с Елизаветой: за ужином императрица сказала, что стала чувствовать себя лучше и уже не страдает кашлем и одышкой, между тем «не могла сказать трех слов без кашля и одышки, и если она не считает нас глухими и слепыми, то нельзя было говорить, что она этими болезнями не страдает. Меня это прямо смешит». Но, понимая, что Елизавета не так уж плоха, как бы хотелось ей и адресату, она пишет: «Рассказываю это и вам — все же это утешение для тех, кто не имеет лучшего». В другом письме Уильямсу она приводит понравившуюся ей цитату из письма к ней С. А. Понятовского: «Ох, эта колода! Она просто выводит нас из терпения! Умерла бы она скорее!»¹³

Однако истинный облик будущей русской императрицы для многих был скрыт ее расчетливым умением держаться в обществе, и в адрес Екатерины действительно слышались похвалы. При этом нужно учитывать, что свое поведение она, вероятно, сознательно строила на противопоставлении поведению мужа, а он ни с кем не считался и, несмотря на свою любовь к военному делу, не был уважаем ни в армии, ни тем более в гвардии.

Все сказанное выше с несомненностью свидетельствует о при-
сутствии у Екатерины ума. В немалой степени он был отшлифован чтением. За годы, проведенные в России, Екатерина прочитала массу книг. Среди них были сочинения Монтескьё, Вольтера, Плутарха, Цицерона, Бейля, Барра, Корнеля, Расина и многих других авторов, чьи книги тогда властвовали над умами. Не приходится сомневаться, что для будущего адресата энциклопедистов чтение было не простым времяпрепровождением, а в обстановке бездуховности и интриг «дипломатов лакейской» стало подлинным университетом, развившим природные способности и практический ум Екатерины.

Как бы то ни было, к середине 50-х годов многие заметили, что из 16-летней девочки без связей и положения, беззаботно катавшейся вместе с горничными с прислоненной к дивану клавишной крышки и спорившей о принципиальных различиях двух полов, выросла приметная личность, политический деятель. И может быть, первым на это обратил внимание канцлер Бестужев-Рюмин. В начале февраля 1756 г. австрийский посланник Эстергази сообщал в Вену: «С Бестужевым, которого еще недавно ни великий князь, ни его супруга не хотели знать, теперь оба вдруг в самых лучших отношениях!» Это сближение не было легким и быстрым. Но Бестужев-Рюмин решился на азартную политическую игру, ибо, как писала Екатерина, «естественно, этот государственный муж, как и всякий другой, возымел желание удержаться на своем месте»¹⁴.

Внешним поводом для сближения были переговоры об обмене Голштинии на Ольденбург и Дельменгорст, что, по мнению Елизаветы и правящей верхушки, отвлекло бы наследника русского престола от голштинских пристрастий. Однако канцлер не особенно рассчитывал на Петра Федоровича и вел переговоры в основном с Екатериной. Бестужев-Рюмин стремился всячески угодить великой княгине. Он покровительствовал ее любовникам — вначале Сергею Салтыкову, а затем Станиславу Понятовскому, причем после возвращения последнего в Польшу добился назначения его официальным представителем Речи Посполитой в Петербурге. С помощью Бестужева-Рюмина Екатерина впервые за многие годы смогла завязать переписку с матерью.

Чего добивался канцлер от великой княгини? Предполагая, как и многие, что императрица долго не протянет, он составил проект манифеста, согласно которому Петр провозглашался императором, а Екатерина — соправительницей при муже. Себе же

Бестужев-Рюмин отводил подобно Миниху главную роль — первого министра и намеревался возглавить важнейшие коллегии и все четыре гвардейских полка. Екатерина писала в мемуарах: «Он много раз исправлял и давал переписывать свой проект, изменял его, дополнял, сокращал и, казалось, был им очень занят. Правду сказать, я смотрела на этот проект как на бредни, как на приманку, с которою старик хотел войти ко мне в доверие; я, однако, не поддавалась на эту приманку, но так как дело было не спешное, то я не хотела противоречить упрямому старику»¹⁵. Этим признаниям Екатерины можно верить, потому что в то время она уже имела подробно разработанный план действий на случай смерти Елизаветы.

Дело в том, что в придворных кругах ходили упорные слухи о намерении Елизаветы изменить порядок наследования престола и, выслав в Голштинию не пригодного к управлению Петра и его жену, передать престол их сыну Павлу Петровичу. Свидетельства современников и письма самой Елизаветы к воспитателям цесаревича и его врачам с несомненностью говорят о необычайной привязанности императрицы к родившемуся в 1754 г. Павлу. Ребенок был сразу взят от родителей и воспитывался под пристальным вниманием Елизаветы. Поскольку императрица не собиралась умирать, как об этом мечтали при «малом дворе», то нельзя было полностью исключить и вариант, при котором выросший при дворе Елизаветы и воспитанный «как следует» Павел мог стать императором «мимо» своих родителей.

Однако выдворение за границу совершенно не входило в планы Екатерины, которая стремилась нажить политический капитал именно в России, прочно связав с ней свою судьбу. В письмах Уильямсу она подробно рассказывает, как будет действовать в час «х». Расчет Екатерины строился на том, что Елизавета «при ее природной нерешительности» не посмеет предварительно выслать великокняжескую чету и поэтому воля Елизаветы будет объявлена только после ее смерти. Именно к этому часу и готовила себя осенью 1756 г. Екатерина. В письме от 9 августа 1756 г. она не исключала из средств, необходимых «молодому двору» для прихода к власти, и военный переворот: «Пусть даже захотят нас удалить или связать нам руки — это должно совершиться в 2—3 часа, одни они этого сделать не смогут, а нет почти ни одного офицера, который не был бы подготовлен, и, если только я не упущу необходимых предосторожностей, чтобы быть предупрежденною своевременно, это будет уже моя вина, если над нами восторжествуют». 11 августа она сообщала Уильямсу: «Я занята теперь тем, что набираю, устраиваю и подготавливаю все, что необходимо для события, которого вы желаете; в голове у меня хаос интриг и переговоров»¹⁶.

Отвлечемся на минуту и вспомним события 1740—1741 гг. Опять рвущаяся к власти претендентка; опять иностранный дипломат, явно нарушающий свой статус; опять надежды на гвар-

дию. История как будто бы пошла по своему прежнему кругу, но при тогдашней раскладке политических сил это было неизбежно — верхушечный характер переворотов XVIII в. очевиден.

Но в отличие от Елизаветы в 1741 г. Екатерина в 1756 г. знала, как будет действовать. В письме Уильямсу 18 августа она раскрывала свои планы: «...когда я получу безошибочные известия о наступлении агонии, я отправлюсь в комнату моего сына». Захватив ребенка и поручив его своему стороннику А. Г. Разумовскому, Екатерина намеревалась через «верного человека» известить преданных ей гвардейских офицеров, которые должны были привести во дворец 250 солдат. Екатерина уточняла: «Может быть, я не обращусь к их помощи, но они будут у меня в резерве на всякий случай; они будут принимать повеления только от великого князя или от меня»¹⁷. После этого Екатерина предполагала прийти в комнату умирающей императрицы и вызвать своих сторонников из числа высших сановников (Бестужева-Рюмина и Апраксина), а затем заставить всех присягнуть ей и Петру как императрице и императору. Все эти предосторожности были необходимы, чтобы не дать Шуваловым возможность раньше объявить волю Елизаветы. Если бы это все же произошло, Екатерина намеревалась использовать гвардейцев, чтобы арестовать Шуваловых и вывести их из игры.

Таковы были планы Екатерины в 1756 г. Как вариант действий на случай смерти Елизаветы они сохранялись и позже. Однако в начале 1758 г. расчеты Екатерины были сильно подорваны начавшимся делом Бестужева-Рюмина. Поводом для него стало расследование причин внезапного отступления армии Апраксина из Пруссии осенью 1757 г. Можно предполагать, что до Елизаветы дошли сведения о неслучайности отступления Апраксина, который поддерживал связь с канцлером и великой княгиней и, зная о тяжелом состоянии Елизаветы, решил отступить и более не испытывать судьбу на полях сражений. В январе 1758 г. шеф сыска А. И. Шувалов допросил Апраксина о его переписке с Екатериной и Бестужевым-Рюминым. 14 февраля канцлер был вызван на заседание Конференции, где и был арестован. Аресту подверглись также люди, через которых Екатерина поддерживала связи с Бестужевым-Рюминым: ювелир Бернарди, друг Понятовского И. П. Елагин, доверенное лицо сторонника Екатерины генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого и др.

Тучи явно сгущались над «молодым двором», и прежде всего над Екатериной. Шуваловы, по-видимому, получили верные известия о планах Бестужева-Рюмина и Екатерины и решили упредить их реализацию. Свержение канцлера готовилось давно. После начала Семилетней войны он по-прежнему оставался скрытым противником сближения с Францией, а его единоличная манера ведения дел явно не нравилась И. И. Шувалову, приобретавшему при активной помощи и поддержке М. И. Воронцова все большее и большее значение в решении внешнеполитических дел.

Сообщение о контактах «молодого двора», главнокомандующего и канцлера стало последней каплей, переполнившей чашу терпения фаворита и Елизаветы. Не исключено, что эти контакты, а также раскрытые планы Бестужева-Рюмина и Екатерины были квалифицированы как заговор против императрицы, хотя планы предполагалось привести в действие в день смерти Елизаветы. Не случайно на допросе Бестужеву-Рюмину был задан вопрос о «планах на нынешнее, так и на будущее время, о которых бывший канцлер совещался... с друзьями великой княгини». Однако Бестужев-Рюмин, заранее почуявавший опасность, уничтожил все письма и проекты и поэтому совершенно хладнокровно отвечал следователям: «...возможно ли о том думать, ибо наследство уже присягами всего государства утверждено»¹⁸.

Отсутствие письменных улик и безошибочные ответы Бестужева-Рюмина завели следствие в тупик. Выход из него Елизавета пыталась найти, решив лично переговорить с Екатериной. Этот разговор, имевший характер допроса и поразительно напоминавший разговор Анны Леопольдовны с Елизаветой накануне дня переворота 25 ноября 1741 г., состоялся в апреле 1758 г. Екатерина сама давно просила о нем, ибо, уничтожив вовремя все улики, хотела выйти из состояния неуверенности и неизвестности, в котором оказалась. Особую тревогу «молодого двора» вызывало то, что Петр Федорович начал сторониться своей жены и в случае малейшего нажима на него мог раскрыть если не все планы, то по крайней мере те, которые знал.

В ходе ночной беседы в апартаментах императрицы Екатерине удалось отчасти оправдаться перед Елизаветой. Во время второй беседы в мае 1758 г. великая княгиня сумела даже развеять многие подозрения императрицы и благополучно выбраться из западни. Какое-то время она вела себя необычайно осторожно, тем более что следствие по делу Бестужева-Рюмина тянулось до конца 1758 г. В начале 1759 г. бывший канцлер был сослан в свое родовое имение под Москвой, а Понятовский выслан за границу. Весной того же года среди знакомых Екатерины появляется 25-летний красавец адъютант генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова капитан Григорий Орлов. Вокруг него и четырех его братьев начинает складываться кружок молодых офицеров, ставших впоследствии опорой переворота 28 июня 1762 г. в пользу Екатерины и не позволивших аристократической фронде ограничить ее власть. А между тем именно в конце 50-х — начале 60-х годов эта фронда начинает проявлять все более возрастающую активность.

1759—1761 годы не принесли Елизавете здоровья, а, наоборот, еще больше его расшатали. Французский посланник Лопиталь в декабре 1757 г. сообщал своему правительству: «Императрица совершенно не придерживается режима, она ужинает в полночь и ложится в четыре утра, она много ест и часто устраивает очень длительные и строгие посты». Прежний неумеренный

образ жизни продолжался и в последующие годы. Елизавета становилась все более суеверной и набожной. Лопиталь писал в январе 1759 г.: «Императрица погружена в необычайное суеверие, она проводит целые часы перед одним образом, к которому она очень привязана. Она с ним разговаривает, советуется. Она отправляется в оперу в 11 часов вечера, ужинает в час, а ложится спать в 5 часов утра»¹⁹.

Болезни императрицы вынуждали Шуваловых все чаще думать о будущем. Они не сомневались, что оно непосредственно связано с «молодым двором», с тем, как они сумеют себя поставить в отношениях с Петром и особенно с Екатериной. Уже с середины 50-х годов А. И. Шувалов стал обер-гофмаршалом Петра, а во время бестужевского дела И. И. Шувалов стремился показать Екатерине, как он хлопочет за нее перед императрицей. В 1759—1761 гг. попытки установить контакт с Екатериной со стороны фаворита и его двоюродных братьев продолжались. Краткие сообщения об этом мелькали в донесениях дипломатов. «Иван Шувалов полностью перебрался на сторону молодого двора» — такой вывод сделал в июле 1758 г. Лопиталь. Через год он уточнил: «Этот фаворит хотел бы играть при великой княгине такую роль, что и при императрице»²⁰.

Теперь трудно восстановить планы, с которыми выступали Шуваловы. В одной из своих заметок мемуарного характера Екатерина писала: «Фаворит... Иван Иванович Шувалов, быв окружен великим числом молодых людей... [и] быв убежден воплем всех множества людей, которые не любили и опасались Петра III, за несколько времени до кончины е. и. в. мыслил и клал намерение переменить наследство, в чем адресовал к Никите Ивановичу Панину, спрося, что он о том думает и как бы то делать, говоря, что мысли иные клонятся, отказав и высылая из России великого князя с супругою, зделать правление именем царевича... что другие хотят лишь выслать отца и оставить мать с сыном и что все в том единодушно думают, что великий князь Петр Федорович не способен и что кроме бедства... Россия не имеет ожидать». Осторожный Панин, как сообщает Екатерина, отвечал, что попытка воспрепятствовать приходу к власти Петра неизбежно приведет «к междоусобной гибели, что в одном критическом случае того переменить без мятежа и бедственных средств не можно», и, поспешив к Екатерине, все ей рассказал. Полностью исключить возможность такого разговора Шувалова и Панина нельзя по ряду причин.

Во-первых, проект о провозглашении императором Павла с последующей высылкой либо обоих родителей, либо только Петра мог соответствовать планам Шуваловых, стремившихся сохранить власть, и в принципе не противоречил давним намерениям Елизаветы, известным не только из мемуаров Екатерины II. Во-вторых, нельзя не обратить внимание на то, что беседу о будущем правлении вели И. И. Шувалов и Н. И. Панин. Первый

известен своим проектом введения «фундаментальных законов», практически ограничивавших самодержавие, а второй сразу после переворота 28 июня 1762 г. подал проект о создании Государственного совета — органа, ограничивающего власть императрицы. То, что эти два деятеля вступили в контакт накануне смерти Елизаветы, не представляется случайным, но думается, что тогда они не сумели найти общего языка. Никита Панин, возможно, готовил проект ограничения самодержавия при Екатерине как правительнице. Ивана же Шувалова Екатерина не устраивала.

В другой своей записке Екатерина, описывая тот же разговор Панина с Шуваловым, сообщает, что Елизавета хотела «взять сына его (Петра.— *Е. А.*) семилетнего и мне поручить управление, но что сие последнее, касательно моего управления, не по вкусу Шуваловым». Не исключено, что Екатерина приписывает Елизавете несуществующие намерения о назначении ее правительницей при малолетнем сыне, но не исключено и то, что как вариант такой порядок наследования мог обсуждаться и был отвергнут Шуваловыми как ненадежный. Возможно, именно потому, что Панин твердо стоял за передачу власти Екатерине, Шуваловы прервали с ним контакты. Екатерина далее писала в первом отрывке, что вскоре Шуваловы прекратили обсуждать планы, «но, оборотя все мысли свои к собственной их безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить в милости Петру III, в коем и преуспели». Во втором отрывке читаем: «Из сих проектов родилось, что посредством Мельгунова Шуваловы помирились с Петром III и государыня скончалась без оных распоряжений»²¹.

В описываемом Екатериной финале переговоров нет психологических натяжек. 23 июля 1761 г. французский представитель Бретель писал: «Уже несколько дней назад императрица причинила всему своему двору особое беспокойство: у нее был истерический приступ и конвульсии, которые привели к потере сознания на несколько часов. Она пришла в себя, но лежит. Расстройство здоровья этой государыни очевидно»²².

В обстановке неуверенности Иваном Шуваловым, как он сам пишет, овладевали «ипохондрические мысли» и ему было уже не до проектов. Вместе со своими братьями он стремился добиться хотя бы расположения наследника престола. В этом смысле весьма символичным был первый ужин нового императора сразу после смерти Елизаветы, 25 декабря 1761 г. Екатерина писала: «У Ивана же Ивановича Шувалова, хотя знаки отчаянности были на щеке, ибо видно было, как пяти пальцами кожа содрана была, но тут за стулом Петра III стоял, шутил и смеялся с ним»²³. В отличие от экс-фаворита, которому уже не нашлось места за столом, Екатерина сидела заплаканная и печальная или старалась такой выглядеть. Ее час еще не наступил, но он приближался...